

На правах рукописи

Попова

ПОПОВА Софья Борисовна

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА УСПЕХА
(на материале русского и польского языков)**

10.02.01 – русский язык

10.02.19 – теория языка

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Калининград

2022

Работа выполнена в федеральном государственном автономном
образовательном учреждении высшего образования
«Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Шкапенко Татьяна Михайловна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Заварзина Галина Анатольевна
(ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет», заведующая кафедрой русского языка, современной русской и зарубежной литературы)

кандидат филологических наук
Северская Ольга Игоревна
(ФГБУН «Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН», ведущий научный сотрудник Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики)

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского»

Защита диссертации состоится 13 мая 2022 г. в 13.30 на заседании диссертационного совета Д 212.084.06 при Балтийском федеральном университете им. И. Канта по адресу: 236022, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56-а, ауд. 33.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Балтийского федерального университета им. И. Канта
<https://www.kantiana.ru/postgraduate/dis-list/popova-sofya-borisovna/>

Автореферат разослан «___» _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А. Н. Черняков

Общая характеристика работы

Реферируемая диссертационная работа посвящена исследованию особенностей формирования образа успеха в национальном языковом сознании под влиянием экстралингвистических и интралингвистических детерминант. Наблюдающийся с начала текущего столетия повышенный научный интерес к феномену успеха связан с инкорпорированием в различные принимающие языки англо-американского образа успеха. В этой связи особое значение приобретает описание механизма неосемантизации лексических единиц со значением «успех», а также выявление внешних и внутренних факторов, детерминирующих способы внедрения иноязычного концепта в языковое сознание носителей принимающих языков. В качестве исследовательского материала в работе используются данные русского и польского языков, рассматриваемые в синхронической и диахронической перспективе.

Актуальность работы определяется недостаточной разработанностью принципов синхронно-диахронического анализа фрагментов языковой действительности, подвергающихся неосемантизации и реконцептуализации под воздействием языка-донора. В условиях англоглобализации актуальной задачей является обнаружение и дифференциация собственного, национального образа успеха в его соотношении с транслируемым в различные языки мира англо-американским представлением об успехе. Несмотря на наличие значительного количества лингвистических работ, посвященных осмыслению концепта/образа успеха, его изучение имеет фрагментарный характер. В фокусе внимания исследователей чаще всего находится синхронный языковой срез, ограниченный современными дискурсивными практиками. Исключение из объекта исследования предыдущих исторических этапов развития языка приводит к экстраполяции культуроспецифического, американского видения успеха на национальную картину мира. Описание «жажды успеха, который чаще всего понимается как достижения человека, связанные с такими сферами, как деньги, карьера и слава в качестве одного из постулатов жизненной философии во многих культурах»¹ представляет собой необоснованную универсализацию англо-американского образа успеха, ввиду чего решение вопроса о лингвокультурной специфике данного понятия имеет особую актуальность.

¹ Смирнов И.М. Образ успешного человека в русской и американской лингвокультурах: гендерный аспект (на материале текстов СМИ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2018. С. 1.

Объект исследования составили лексические единицы ономазиологического поля УСПЕХ в синхронно-диахронической перспективе (на материале русского и польского языков).

Предметом изучения является характер взаимодействия внешних и внутренних детерминант, определяющих специфику формирования образа успеха в национальном языковом сознании в различные периоды развития языка и общества (на материале русского и польского языков).

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении интралингвистических и экстралингвистических детерминант, предопределяющих специфику формирования образа успеха в национальном языковом сознании (на материале русского и польского языков).

Цель исследования обусловила постановку и решение следующих **задач**:

- охарактеризовать объем понятия лингвистической детерминанты;
- определить характер соотношения между терминами «образ» и «концепт» в отечественных лингвистических исследованиях;
- выявить релевантный для изучения образа успеха в синхронно-диахронической перспективе тип структурно-системного объединения номинативных единиц;
- реконструировать первичные акты номинации образа успеха в русском и польском языках;
- проследить эволюцию представлений об успехе в конкретные социо-исторические периоды (на материале русского и польского языков);
- изучить лингвистические техники англосемантизации лексической единицы *успех/sukces*, используемые в современном русском и польском языке;
- определить специфику взаимодействия внутренней и внешней детерминанты в процессе формирования образа успеха (на материале русского и польского языков).

Материалом исследования послужили толковые словари русского и польского языков, словари эпитетов и сочетаемости слов, данные национального корпуса русского языка, национального корпуса польского языка, национального фотокорпуса польского языка, а также электронных ресурсов поисковых систем Google.ru и Google.pl.

Методологическую и теоретическую базу исследования составили работы российских и зарубежных ученых в области лингвокогнитологии (А.П. Бабушкин; Е.С. Кубрякова; З.Д. Попова, И.А. Стернин; Г.Г. Слышкин, Ю. С. Степанов; М.Я.

Розенфельд и др.), лингвокультурологии (С.Г. Воркачев; В.И. Карасик; В.В. Воробьев; В.В. Красных и др.), теории номинации (Н.Д. Арутюнова; В.Г. Гак; Г.В. Колшанский; М.Э. Рут; А.А. Уфимцева; В.Н. Телия; Г.А. Заварзина; В.И. Шаховский; В.В. Катермина; Б.А. Серебренников), лингвистической детерминации (Г.П. Мельников; О.И. Валентинова; М.А. Рыбаков; Е.А. Марков, И.Д. Тодорова и др.), теории поля (В. Порциг; Й. Трир; Ю.Д. Апресян; В.Г. Гак; А. И. Кузнецова; Г.С. Щур; Ю.Н. Караулов; И.М. Кобозева; З.Д. Попова; И.А. Стернин; А.А. Уфимцева; В. Н. Денисенко и др.), семантической деривации (В. Вундт; М.В. Никитин; Г. Пауль; А.А. Потебня; Д.Н. Шмелев; Е.С. Кубрякова, Е.В. Падучева; Г.И. Кустова; И.М. Кобозева, И.А. Стернин; Н.Д. Голев и др.), лексико-семантического синкретизма (М.В. Пименова; О.Н. Трубочев; О.А. Черепанова; Л.Г. Яцкевич и др.), контактной лингвистики (С.В. Гринев; М.А. Брейтер; А.И. Дьяков; Л.П. Крысин; Т.М. Шкапенко), неосемантизации (В.В. Виноградов; Д. С. Лотте; В.И. Заботкина; Т.В. Попова; Д.Н. Шмелев; Т.М. Шкапенко; A. Markowski; A. Witalisz и др.).

Методы исследования. Основным методом исследования является лингво-антропологический анализ одного из фрагментов языковой картины мира, предполагающий последовательный учет взаимодействия широкого круга экстралингвистических и лингвистических факторов в формировании и эволюции образа успеха в двух родственных языках. В работе в тесном взаимодействии использовались методы ономастического и семасиологического анализа, полевой метод, метод семантической реконструкции, этимологический и дефиниционный анализ, контекстуальный анализ, функционально-семантический, лингвокультурологический и сравнительно-сопоставительный методы исследования.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые:

- выполнен анализ эволюции образа успеха в холистической синхронно-диахронической перспективе на материале двух родственных языков, с привлечением данных американского варианта английского языка как языка-донора;
- выявлен семантический синкретизм, характерный для первичных актов номинации, связанных с понятием успеха в русском языке;
- изучены и описаны лингвистические техники англосемантизации лексической единицы *uspeh/sukces*, используемые в современных дискурсивных практиках;
- установлена специфика взаимодействия внутренней и внешней детерминанты в процессе формирования образа успеха в различных языках.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней представлен системный взгляд на проблему детерминанты в лингвистических исследованиях, описан характер взаимодействия внешней и внутренней детерминанты в процессе англосемантизации автохтонной славянской лексики. Кроме того, в работе вносятся уточнения в решение вопроса об интралингвистических и экстралингвистических факторах языковой изменчивости; характеризуются особенности изучения семантической деривации в диахронии и синхронии, выявляется роль инновационного контекста как средства семантической деривации, а также описывается объем содержания понятий «англосемантизация» и «англосемантизмы». Теоретически значимым представляется введение в терминологический оборот сочетания «ономасиологическое поле» для обозначения многомерного объединения, репрезентирующего морфосемантические преобразования в диахронно-синхронической перспективе вместе с актуализирующими их контекстами.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что предложенный и апробированный в нем алгоритм описания лингвистических техник семантической деривации на основе выявления инновационных контекстов может быть использован в различных исследованиях в неологии и лексической семантике. Собранный в работе языковой материал и сделанные на основании его анализа выводы могут найти применение в разработке спецкурсов по синхронно-диахронической семантике, неологии, лингвистической детерминации, ономасиологии и семасиологии, лингвокультурологии, лингвистике глобализации и сравнительно-сопоставительной лингвистике.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечиваются опорой на многоаспектную научную литературу, репрезентативностью привлеченного к рассмотрению фактического материала, применением комплекса методов исследования, адекватных его объекту, цели и задачам.

Положения, выносимые на защиту:

1. Первичные акты номинации успеха в русском и польском языках характеризуются семантическим синкретизмом образов, отраженных в значении дериватов ономасиологического корня -спех-/ -*śpiech*-. В процессе семантико-морфологической эволюции в русском языке дериваты корня -успех- формируют отдельное субполе. В польском языке корень -*śpiech*- в значении «успех» вытесняется заимствованной латинской лексемой *sukces*, не имеющей производных на почве принимающего языка.

2. Изменения в системе представлений об успехе обусловлены действием экстралингвистических и внутриязыковых факторов. Основным направлением преобразований семантики слов *успех/sukces* явилось сужение их значения до «позитивного результата действий» или «исхода событий». До конца XX столетия успех не входил в число культурно значимых лингвоконцептов в русском или польском языковом сознании, не имел корреляций во внеязыковой действительности с материальным богатством, а репрезентирующие его лексические единицы исключали возможность сочетаемости с существительными со значением лица.

3. В результате изменения внешней детерминанты – ориентации общества на лингвокультурные образцы США – происходит англосемантизация и реаксиологизация лексики со значением успеха. Основным средством трансляции новых образов и смыслов является калькирование принимающими языками лингвоспецифичных контекстов употребления слов *success, successful* в языке-доноре.

4. Реконцептуализация слов *успех/sukces* заключается в их антропоморфизации – в смене определяемого объекта с процесса или результата человеческой деятельности на характеристику качества самого человека; в приобретении понятием «успех» внеязыковых корреляций в виде богатства, карьеры и известности, а также в формировании отношения к успеху как к востребованной, конструируемой и социально поощряемой ролевой модели человека.

5. При единстве внешней детерминанты в двух лингвокультурных сообществах алломорфизм внутренней детерминанты (различие морфологических способов объективации успеха) влияет на формирование образа успешного человека в соответствующих языковых картинах мира. Атрибутивное сочетание с прилагательным *успешный* в русском языке обуславливает неограниченный круг определяемых субъектов со значением лица. Заполнение адъективной лакуны в польском языке с помощью именной генитивной конструкции *człowiek sukcesu* (человек успеха) усиливает аксиологическую значимость фразеологизма, но одновременно ограничивает его референционную сочетаемость, выполняя роль структурно-семантического рестриктора в формировании образа успеха в польском языковом сознании.

6. Противоречивый характер взаимодействия внешней и внутренней детерминанты проявляется в существовании в польском языке варианта *kobieta sukcesu* при отсутствии сочетания *mężczyzna sukcesu*. Возникновение специального обозначения для «успешной женщины» является результатом следования Польши мировым трендам феминизма и антисексизма, и в то же время представляет собой язы-

ковой факт, в котором проявляется свойственная польскому языку и польской лингвокультуре гендерная асимметрия.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования обсуждались на заседании комиссии экспертов Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, были представлены на научно-практической конференции «Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки» (Новосибирск, 2017), VI Международном конгрессе исследователей русского языка: Русский язык: исторические судьбы и современность (Москва, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019 г.), Всероссийской научной конференции с международным участием «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление» (Воронеж, 2019 г.), III Всероссийской научной конференции «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка» (Воронеж, 2020 г.), конференции «Дни науки 2020» и «Дни науки 2021» (Калининград, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта), а также отражены в восьми публикациях.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, включающей список теоретической литературы, список словарей, энциклопедических изданий и источников.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается выбор темы и ее актуальность, формулируются цель и основные задачи, определяются объект и предмет исследования, характеризуются материал исследования и методы его анализа, определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, приводятся данные об апробации, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Теоретические предпосылки исследования»**, состоящей из трех параграфов, уточняется объем понятия детерминанты и лингвистической детерминанты, выявляются основания дифференциации терминов концепт и образ, описываются сложившиеся в зарубежной и отечественной лингвистике способы организации лексико-семантических групп, рассматриваются механизмы семантической деривации и роль инновационных контекстов в изменениях значения лексических единиц. В результате рассмотрения дискуссионных вопросов формулируются исходные теоретические позиции исследования.

В первом параграфе характеризуется термин «лингвистическая детерминанта», имеющий в отечественной лингвистике авторскую интерпретацию в русле концепции системной типологии Г.П. Мельникова, а также используемый в составе средств общелингвистического инструментария для обозначения причин и факторов, предопределяющих состояние фрагментов языковой системы или их изменчивость. В рамках теории лингвистического детерминизма Г.П. Мельникова под «детерминантой» понимается главное свойство морфологического строя языка, предопределяющее его статическое состояние и ограничивающее пределы его эволюции. В общем смысле термин «детерминанта» употребляется в качестве синонимического обозначения «причины» или «фактора», причем его значение не получает эксплицитного истолкования в работах по языкознанию. В отличие от вышеуказанных номенов, употребление которых требует синтаксического распространения с помощью причастий «обуславливающий, детерминирующий», термин «детерминанта» является автосемантическим, поскольку включает в себя не только фактор, но и указание на его предопределяющую роль в состоянии языкового объекта. Обусловленная внутренней формой слова емкость семантики делает его максимально пригодным для целей терминологического обозначения. Понятие лингвистической детерминанты предлагается в работе разделять на внутреннюю (интралингвистическую) и внешнюю (экстралингвистическую). Экстралингвистическая детерминанта включает в себя совокупность внешних по отношению к языковой системе условий и факторов, оказывающих влияние на состояние языка. Интралингвистическая детерминанта включает в себя свойства языковой системы, которые предопределяют (стимулируют или сдерживают) изменения в рамках конкретной языковой системы.

Во втором параграфе определяется характер соотношения между терминами «образ» и «концепт» в отечественных лингвистических исследованиях. В результате анализа многочисленных работ делается вывод о том, что данные понятия находятся в гипо-гиперонимических отношениях, при этом образ формирует один из уровней концепта как многомерного ментального образования. Одновременно образ представляет собой самостоятельную единицу лингвистического исследования, в первую очередь, в ономастологии, реконструирующей первичные акты номинации, а также в семасиологии, изучающей процессы семантической деривации, в том числе метафоры как одной из ее разновидностей. Во втором параграфе характеризуется также степень изученности концепта/образа успеха в работах российских лингвистов. Высокий научный интерес и частота обращения к данной те-

матике (Розенберг 2001, Адонина 2005, Паршина 2007, Гордиенко 2008, Ноженко 2008, Зуев 2009, Машкова 2010, Скворцова 2019 и др.) объясняются, прежде всего, экстралингвистической детерминантой – переходом России к конкурентному, рыночному обществу и ориентацией на систему ценностей, характерных для американской лингвокультуры с присущим ей культом личного, индивидуалистического успеха.

В третьем параграфе выявляется релевантный для изучения образа успеха в синхронно-диахронической перспективе тип структурно-системного объединения лексических единиц. На основе анализа полевой методики структурирования лексических группировок обращается внимание на различия в логике конструирования полей. Два основных принципа организации поля характеризуются как парадигматический, восходящий к трудам Й. Трира [Trier 1931] и парадигматический, берущий начало в теории поля В. Порцига [Porzig 1950]. Вслед за В.П. Денисенко, в работе делается вывод о необходимости сочетания двух способов организации лексического материала, при котором составляющие парадигму номинативные единицы рассматриваются в единстве с их синтагматикой [Денисенко 2002].

Необходимость изучения дериватов, ословливающих образ успеха в синхронно-диахронической перспективе, требует использования гнездового подхода к организации анализируемых языковых единиц. Сложившаяся в языкознании традиция анализа корневых гнезд основывается, однако, на выявлении типов формальных словообразовательных отношений между членами гнезда. Данный подход является избыточным с точки зрения поставленной в работе задачи реконструкции первичных образов успеха и наблюдения за его дальнейшим развитием. Гнездовой способ в данном случае используется с целью структурирования языкового материала, в то время как методика его анализа предполагает акцент на выявлении образов и смыслов, закодированных в единой корневой морфеме, используемой языковым коллективом для присвоения имени различным явлениям внеязыковой действительности.

Невозможность полноценного анализа дериватов, входящих в состав корневого словообразовательного гнезда, без учета из семантики отмечалась многими учеными и нашла свое отражение в различных способах наименования данных группировок слов: морфосемантическое поле [Giraud 1956], лексико-словообразовательное гнездо [Евсеева 2013], этимолого-семантическое поле [Гак 1998]. Принимая во внимание то, что изучение корневых гнезд в диахронии помогает выявить внутреннюю форму производных слов, т.е. описать ономаσιологиче-

ские особенности, в работе предлагается использовать для наименования лексического объединения формально-понятийного типа термин «ономасиологическое поле». Ономасиологическое поле представляет собой формальное объединение, так как охватывает слова по принципу словообразовательного гнезда, и вместе с тем семантическое объединение, поскольку включает в себя различные дериваты или субгнезда, восходящие генетически к единому образу или понятию.

В этом же параграфе рассматриваются теоретико-методологические основы анализа изменения значений славянских слов под воздействием американского варианта английского языка. Активно протекающие в настоящее время процессы внедрения в концептуальную систему принимающих языков культуроспецифичных американских понятий описываются в терминах семантической деривации. В работе отмечается, что семантическая деривация может протекать как в результате лингвокогнитивных процессов, происходящих в сознании носителей языка, так и являться результатом семантического заимствования. В условиях англо-американской лингвокультурной глобализации вполне обоснованным представляется введение польскими лингвистами терминов «англосемантизация» и «англосемантизмы». Под англосемантизацией ученые предлагают понимать «изменение значения слова под влиянием его переводного эквивалента в английском языке как доноре всех глобализационных процессов» [Markowski 2000]². Англосемантизм определяется как «слово или устойчивое словосочетание, исконное или генетически чуждое (заимствованное ранее), которое под влиянием английского языка изменило свою семантику, то есть приняло значение, отсутствующее до этого в польском (родном) языке, либо присутствовавшее давно, но забытое» [Witalisz 2007]³.

Работы российских лингвистов, изучающих процессы англосемантизации на примере различных лексических единиц в современном русском языке (Бабаева 1998; Кацман 2017; Белов 2020), проиллюстрировали решающую роль инновационных контекстов в процессе приобретения исконным или ранее заимствованным словом нового значения. Данные контексты представляют собой результат калькирования синтагматики соответствующего слова в языке-доноре, а их выявление и

² Markowski A. Jawne i ukryte zapożyczenia leksykalne w mediach // Język w mediach masowych. Warszawa, 2000. S. 96.

³ Witalisz A. Anglosemantyzmy w języku polskim — ze słownikiem [Anglosemanticisms in Polish—with the dictionary]. Kraków: Tertium, 2007. S. 134.

описание в современных речевых практиках играет важнейшую роль в изучении лингвистических техник семантических заимствований.

Вторая глава «Образ успеха в русском языке в диахронно-синхронической перспективе» состоит из четырех параграфов, каждый из которых характеризует соответственно эволюцию формирования образа успеха в древнерусский период, в период становления и развития национального русского языка до начала XX столетия, в послереволюционный и советский периоды и в период новейшего времени.

В первом параграфе реконструируются первичные акты номинации образа успеха в старославянском и древнерусском языке. На основании анализа дефиниций и иллюстрирующих их примеров в Словаре старославянского языка IX – XII вв., Словаре русского языка XI-XVII вв. и в Материалах для Словаря древнерусского языка И.И. Срезневского моделируется ономаσιологическое поле корня *-спех-*, в составе которого вычленяются восемь субполей. Общее количество формирующих их лексических единиц составляет 77 дериватов. В качестве вершин субполей выделяются: 1) движение (поступательное и быстрое); 2) старательное действие и усердие; 3) помощь; 4) физическое и духовное созревание; 5) изготовление продукта; 6) время; 7) опережение, преобладание и превосходство; 8) удачная деятельность, успех и преуспевание. Следует заметить, что понятия успеха и преуспевания в данный период не имеют корреляций с материальным благополучием. Преуспевание в его прототипическом церковнославянском значении относится к исполнению человеком религиозных заповедей (**предспѣти** «преуспевать», «прилагать усилия, стремиться к успеху в религиозно-нравственном совершенствовании»; **предспѣвание (предспѣяние)**: «старание, стремление к успеху в религиозно-нравственном совершенствовании; подвижничество; **предспѣяние (-ание)** «достижение определенной степени духовного совершенства (как зрелости), религиозно-нравственное подвижничество». Отличительной чертой поля СПЕХ в данный период является присущий ему семантический синкретизм, выражающийся как в употреблении производных в различных значениях, так и в образно-смысловом пересечении субполей в целом.

В XVI – XVII веках семантическая связь между дериватами *спех*, *спешный* и *спеть*, а также между ними и производными *успеть*, *успех*, *успешный* ослабевает. В результате постепенного распада семантического синкретизма формируются три субполя с вершинами «скорость», «созревание» и «успех», что приводит к морфологическому опрощению, в результате которого бывший префикс *у-* перестает вы-

членяться в составе соответствующих производных и входит в состав корневой морфемы.

Во **втором параграфе** изучается процесс эволюции лексических единиц оно-масиологического поля УСПЕХ в период становления и развития национального русского языка до начала XX столетия. Для данного периода характерны дальнейшая утрата образного синкретизма, уменьшение количества дериватов поля и изменение их состава. Отмечаемое еще в XVII веке расхождение образа быстроты выполняемого действия и образа положительного исхода или результата все отчетливее оформляется в выделение двух субполей: СПЕХ и УСПЕХ, хотя некоторые дериваты субполей продолжают сохранять образно-смысловую диффузность. В синтагматике прилагательного *успешный* не фиксируются принципиальных изменений: оно сочетается с существительными, обозначающими процесс или результат человеческой деятельности. Примеры сочетаемости с существительными со значением лица единичны и характеризует духовно-нравственные или интеллектуальные достижения (*успѣшный ученикъ; преуспѣяніе въ наукахъ*). В этот же период словари фиксируют наличие существительного *nomina actionis* *успѣшникъ*.

В период послереволюционной России и СССР, анализу которого посвящен **третий параграф**, изменение государственной идеологии становится основной внешней детерминантой, вносящей определенные изменения в «экзистенциальный образ успеха»⁴. В соответствии с ценностными ориентирами социально-экономического равноправия индивидум не выделяется из коллективной среды, конкурентная составляющая допускается только в соревновании двух систем: социалистической и капиталистической. Это приводит к тому, что глагол *преуспевать* маркируется словарями данного периода как устаревший. Согласно данным национального корпуса русского языка, причастие *преуспевающий* употребляется в качестве характеристики лиц, достигших успехов в коммерческой деятельности, однако используется как маркер «чужого» в оппозиции «свой/чужой». В этот период полностью исчезает осмысление *преуспевания* как примерного следования церковным заповедям, входящее в противоречие с атеистической идеологией советского государства. В то же время повышение роли образования и науки в системе ценностей обуславливает появление и активное использование дериватов *успеваемость* и *успевающий*, совмещающих в своей внутренней форме образы

⁴ Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Эволюция ключевых концептов русского языка в XX и XXI веке: аспекты изучения // Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 303.

успеха и скорости. Сочетаемость прилагательного *успешный* остается неизменной, в качестве определяемых им членов выступают неодушевленные существительные. Само слово *успех* не входит в число советских идеологем, однако активно используется в форме множественного числа, преимущественно при описании успехов социалистического строительства, советской науки, искусства и т.п..

Влияние внешней детерминанты на осмысление успеха в новых, не свойственных предыдущему периоду национального развития категориях, особо ощутимо в период новейшего времени, анализу которого посвящен **четвертый параграф**. Распад СССР, признание несостоятельными идеалов социализма, следование американским образцам функционирования общества и человека привело к кардинальным изменениям в образе успеха в русском языке. Вхождение данного понятия в состав важнейших регулятивных лингвоконцептов англо-американской культуры предопределило процесс их импортирования в русское языковое сознание.

К основным лингвистическим техникам трансляции американского видения успеха относится калькирование способов употребления слова *success* и *successful* в соответствующей англоязычной литературе. В качестве основных коллокаций, формирующих американский образ успеха в английском языке, выступают: *successful person, man, people* (успешный человек, люди), *the formula of (for) success* (формула успеха), *the recipe of (for) success* (рецепт успеха), *success stories* (истории успеха). Особое место среди них занимает сочетание *successful man*, приписывающее свойство успешности не результатам человеческого труда, а самому человеку. В соответствии с американской системой ценностей сочетание «успешный человек» получает устойчивую корреляцию с материальным богатством, высокой позицией или широкой известностью индивида.

Активное употребление в русскоязычных средствах массовой информации, интернет-порталах и популярных научно-психологических изданиях кальки *успешный человек* приводит к нивелированию исконных образов и смыслов русского успеха, стирающихся под давлением ассоциативного ряда материальных экспонентов успеха. Если ранее логико-грамматическая атрибуция качества успешности по отношению к человеку встречалась лишь окказионально, то высокочастотное употребление американской кальки в современных дискурсивных практиках способствовало преодолению сложившейся конвенции и закрепило употребление прилагательного *успешный* в качестве характеристики человека.

В соответствии с дискурсивными образцами в языке-доноре сочетание *успешный человек* в русском языке подвергается плюрализации (*успешные люди*),

что имплицитно подразумевает возможность достижения успеха большим количеством людей. Высокую частотность получает употребление сочетаний *история успеха*. Активное использование сочетаний *формула* или *рецепт успеха* направлено на формирование у адресата уверенности в наличии алгоритма действий, способного привести его к желанной цели. Различные вариации побудительных речевых актов (*Создай свой успех! Добейся успеха!* и т.п.) призваны формировать целевые установки, связанные с востребованной новым мироустройством ролевой моделью личности. Широкое распространение получило использование в заголовках числительных, относящихся к качествам успешных людей (*12 качеств успешного человека; 15 отличий успешного человека от неуспешного; 6 характеристик успешных людей* и т.п.). Акцент на личностных характеристиках, позволяющих достичь успеха в его современном понимании, содержит эксплицитное указание на прямую зависимость успеха от индивидуальных свойств человека. Данное понимание находит свое отражение в активизации употребления с начала 2000 гг. существительного со значением отвлеченного признака *успешность*. Его высокая частотность в контекстах, относящихся к человеку, свидетельствует о вхождении нового качества личности в состав востребованных черт современного индивидуума.

Несмотря на то, что словари русского языка еще не зафиксировали нового значения, приобретенного словом *успех* и его дериватами в результате калькирования и активного тиражирования англо-американских дискурсивных образцов, процесс англосемантизации данных лексических единиц можно считать завершенным. Произошедшая под влиянием языка-донора реконцептуализация заключается в смене определяемого объекта с процесса или результата человеческой деятельности на характеристику качества самого человека, в приобретении словами *успех* и *успешный человек* устойчивых внеязыковых корреляций в виде богатства, карьеры и известности и их вхождении в число важнейших регулятивных концептов.

Третья глава «Образ успеха в польском языке в диахронно-синхронической перспективе» состоит из трех параграфов. В первом параграфе на основе анализа словарных статей этимологических словарей польского языка, а также памятников старопольской письменности реконструируются первичные акты номинации образа успеха в польском языке. Доказывается, что формирование образа успеха берет свое начало в XIV – XV веках в рамках ономаσιологического поля корня *-śpiech-*, в состав которого входит 11 дериватов, употребление которых также свидетельствует о семантическом синкретизме. Кроме образа быстрого и поступательного движения, лексические единицы поля употребляются в значении

выполнения действия, достижения цели, созревания, успеха, процветания, счастья, успешного результата деятельности. Однако общее для ранних периодов развития славянских языков употребление дериватов корня *-snex-/ -špiech-* в значении успеха, процветания, достижения цели в XVII веке было вытеснено латинским заимствованием *sukces*, употребляющимся первоначально в значении последовательного хода поступков или событий, имеющих чаще всего позитивный результат. Образ последовательности действий присутствует и в заимствованных из латинского языка дериватах *sukcesor*, *sukcessya* и *sukcessyonalny* (наследник; наследование, наследство; наследственный), а также в более поздних заимствованиях *sukcesywny*, *sukcesywnie*, *sukcesywność* (последовательный, последовательно, последовательность). К середине XIX столетия происходит сужение семантики слова *sukces* до обозначения только положительного, успешного результата деятельности. В связи с отсутствием у существительного *sukces* производных атрибутивная характеристика «успешный» передается с помощью автохтонных польских прилагательных *potyślny* и *udany*, значение которых включает в себя сему «везения» и «удачи».

Во втором параграфе доказывается, что изменение экстралингвистических факторов в послевоенный период – следование Польши идеалам социалистического строительства – не привело к каким-либо значимым изменениям в употреблении существительного *sukces*. Несмотря на то, что дискурс власти данного периода получил впоследствии наименование «пропаганда успеха» (*propaganda sukcesu*), данное слово не входило в состав идеологически маркированных лексических единиц. Анализ примеров, зафиксированных корпусами польского языка в данный период, показывает, что слово *sukces* не имело какой-либо концептуальной или аксиологической нагрузки. В соответствии с ориентацией социалистического общества на коллективизм субъект достижения успехов не индивидуализировался, что нашло свое отражение в достаточно регулярном использовании формы множественного числа (*sukcesy*), употребляющейся наряду с более частотными лексемами *zmiany*, *przemiany* (перемены). Основной областью референции успехов являлись достижения в построении социализма, развитии промышленности и сельского хозяйства, в науке и т.п., В корпусе регистрируются попытки заполнения адъективной лакуны в польском языке посредством образования не свойственных польской морфологии сложных существительных *rola-sukces*, *spektakl-sukces*, а также создания прилагательного *sukcesowy*, которое так и осталось единичной инновацией. Прилагательные *potyślny*, *udany* (успешный, удачный) употребляются во всех функцио-

нальных стилях в качестве определений различных неодушевленных объектов, не вступая в коллокации с существительными со значением лица.

В третьем параграфе изучаются изменения, произошедшие в осмыслении понятия успеха в современном польском языке с конца XXI столетия. Кардинальное изменение экстралингвистической детерминанты, отказ от идеи построения социалистического общества и ориентация на США как основного донора идей системной социально-экономической трансформации, повлекли за собой внедрение в польский язык культуроспецифичных англо-американских концептов. Под влиянием американского культа индивидуалистического успеха в польском языке новейшего периода происходит неосемантизация слова *sukces*, получающего статус одного из важнейших регулятивных лингвоконцептов. Новейшие толковые словари польского языка уже зафиксировали произошедшие в значении слова изменения, описывая успех как преднамеренное достижение человеком целей и как завоевание успеха, славы, высокого положения, состояния и т.п.

В качестве основных техник англосемантизации используется калькирование способов функционирования слова *success* в англоязычном дискурсе, посвященном продвижению идеи успеха как высшей цели человеческого существования. Как и в русском языке, высокочастотными калькируемыми контекстами являются: *successful person, man, people* (człowiek sukcesu, ludzie sukcesu), *the formula of (for) success* (formuła sukcesu), *the recipe of (for) success* (przepis na sukces), *success stories* (historie sukcesu). В массиве польских текстов, посвященных феномену успеха, широко представлен пласт лексики, мифологизирующей и сакрализирующей понятие успеха: *sekret sukcesu, tajemnica sukcesu, tajne klucze do sukcesu*, (секрет успеха, секретные ключи к успеху).

Отсутствие в польском языке прилагательного, эквивалентного английскому *successful* (успешный), обуславливает необходимость вербализации важнейшего лингвокоцепта *successful man* в форме именной генитивной конструкции *człowiek sukcesu* (человек успеха). Закодированный в сочетаниях данного типа высокий аксиологический потенциал, наличие в польском языке устойчивых сочетаний типа *człowiek honoru* (человек чести), входящих в число значимых для польской лингвокультуры концептов, включает инновационное сочетание в ряд важнейших современных идеологем и усиливает его персуазивность. Одновременно употребление субстантивного сочетания *człowiek sukcesu* выполняет роль интралингвистической детерминанты, ограничивающей референцию акторов

успеха. Если в русском языке прилагательное *успешный* подразумевает практически неограниченную сочетаемость – успешным, согласно данным НКРЯ, может быть как миллионер, так и кондитер, в польском языке попытки субституции первого члена идиомы *człowiek sukcesu* на *piłkarz*, *cukiernik* (футболист, кондитер) являются невозможными. Первый член сочетания не предполагает замены на гипонимические наименования в виде названий профессий или конкретных областей деятельности успешного человека. Прилагательные *romyślny* и *udany*, близкие по своему значению к характеристике «успешный», сохраняют свойственную им сочетаемость только с неодушевленными существительными. В результате возникает номинативная лакуна: качество успешности приписывается человеку только в генерализированном виде.

Несмотря на референционные ограничения, накладываемые структурно-семантическими особенностями генитивной конструкции *człowiek sukcesu*, в польском языке возникает и фразеологизируется сочетание *kobieta sukcesu* (женщина успеха). В его появлении и функционировании отражается противоречивый характер взаимодействия внешней и внутренней лингвистической детерминанты. С одной стороны, возникновение варианта *kobieta sukcesu* является результатом следования Польши мировым трендам феминизма и антисексизма, с другой стороны, выявляет особенности гендерной асимметрии, свойственные польскому языку и польской лингвокультурной традиции в целом.

Языковая объективация гендерной дискриминации находит свое выражение в отсутствии варианта *mężczyzna sukcesu* (мужчина успеха) при наличии сочетаний *człowiek sukcesu* и *kobieta sukcesu*. Недопустимость существования гендерно симметричного варианта *mężczyzna sukcesu* при наличии *człowiek sukcesu* и *kobieta sukcesu* объясняется семантической тождественностью слов *człowiek* и *mężczyzna*, невключенностью образа женщины в семантику слова *człowiek*, а также закодированным в польском языковом сознании представлением о том, что активные социальные роли являются исключительной принадлежностью мужчин.

Косвенным подтверждением распространенности данного дискриминационного стереотипа является также отмечающаяся отдельными польскими культурологами конфронтация американского образа «женщины успеха» с важнейшим для польской лингвокультуры стереотипом женщины, закодированном в сочетании «Matka Polka». Восходящий к культу девы Марии и закрепленный в польской литературе романтизма эталонный образ женщины

постулирует необходимость отказа от личной жизни и счастья во имя служения идеалам национально-освободительной борьбы. Образ альтруистического служения женщины идеалам национально-освободительной борьбы вытесняется базирующимся на эгоцентрической модели мира американским стереотипом самостоятельной, независимой и деятельной женщины. Американский стереотип успешной женщины базируется на эгоцентрической модели мира, в которой все ее стремления направлены на построение собственной карьеры, получение высоких заработков и социальной позиции, гарантирующей известность. По мнению польских культурологов, пришедшая на смену старому эталону новая ролевая модель представляет собой средство борьбы с устаревшим мифом и одновременно создает новый, далеко не всегда способный осуществиться миф. Фразеологическая инновация *kobieta sukcesu* не только выявляет свойственную польскому языковому сознанию гендерную асимметрию, но и становится лингвокультурным символом нового мифа о женщине.

В **заключении** подводятся итоги работы, формулируются основные результаты исследования и намечаются его перспективы.

Использованный в работе синхронно-диахронический подход позволил проследить все этапы формирования образа успеха в двух родственных языках. Реконструирование первичных актов номинации выявило сущность собственного, национального языкового представления об успехе, как многоплановом концептуальном образовании, в состав которого никогда не входила материальная индивидуалистическая составляющая. Сопоставительная перспектива исследования позволила рельефнее обозначить разницу между отраженным в славянском лингвокультурном сознании образом успеха и транслируемым из англо-американской культуры «рыночным», «коммерческим» представлением об успехе.

Проведение анализа в условиях сочетания парадигматического и синтагматического подходов с применением корпусной методики сбора языкового материала позволило обнаружить характер влияния экстралингвистической детерминанты на представления об успехе, отраженные в языковой системе различных социо-исторических периодов. Акты первичной номинации понятия, не имеющего дено-тативной представленности во внеязыковой действительности, характеризовались в обоих языках семантическим синкретизмом. Единство праславянского корня -спех-/-śpiech, лежащего у истоков вербализации успеха, обусловило пересечение отдельных образов, свойственных для перцептивного отражения действительности

в ранние периоды языкового развития. К общим для обоих языковых сознаний следует отнести образы поступательного и быстрого движения, достижения цели, созревания, удачной деятельности, успеха и преуспевания. Отличительной лингвокультурной особенностью раннего периода развития русского языка является представление о преуспевании как об исполнении человеком религиозных заповедей, о его религиозно-нравственном совершенствовании и подвижничестве.

Семантическая эволюция единиц со значением успеха в обоих языках сводится к постепенному распаду синкретизма и специализации семантики слов, обозначающих «позитивный результат человеческой деятельности». В русском языке данная специализация отражается в выделении самостоятельного субполя УСПЕХ, в польском языке прототипический образ успеха, отраженный в корневой морфеме *–śpiech*, вытесняется латинским заимствованием *sukses*. Анализ функционирования данных единиц на протяжении нескольких исторических периодов до начала XXI столетия показал, что понятие успеха в лингвокультурных сознаниях обоих этносоциумов никогда не входило в число аксиологически значимых, а основной областью референции успеха были труд, учеба, наука и другие сферы жизнедеятельности человека и социума.

Анализ семантических преобразований, произошедших в образе успеха в последние два десятилетия, позволил убедиться в том, что изменение экстралингвистической детерминанты, заключающееся в радикальной смене идеологии и социально-экономической трансформации общества, предопределило коренные изменения в осмыслении успеха. Под влиянием американского культа индивидуалистического успеха в обоих языках происходит англосемантизация слова *usnec/ sukces*, получающего статус важнейшего регулятивного лингвоконцепта.

Изучение механизмов англосемантизации слов, вербализующих понятие успеха на материале двух языков, позволило обнаружить единство лингвистических техник трансляции американского образа успеха, состоящих в калькировании контекстов употребления данного слова в языке-доноре. В то же время привлечение данных польского языка создало условия для изучения влияния внутренней, интралингвистической детерминанты на характер протекающих изменений. Адъективная лакуна в польском языке, – отсутствие прилагательного со значением «успешный», – заполняется с помощью конструкции с приименным родительным падежом качества *człowiek sukcesu*. Структурно-семантические особенности экспликации успеха в польском языке, с одной стороны, вводят сочетание в состав аксиологически важных понятий или идеологем, с другой стороны, выполняют роль

структурно-семантического рестриктора в формировании образа успеха в польском языковом сознании. Одновременно морфологическая детерминанта выявляет характерную для польского языкового сознания и польской языковой системы гендерную асимметрию.

Перспективы выполненного исследования видятся в возможности использования методики описания инновационных контактов как материально объективированного средства семантической деривации. Предложенный и апробированный в работе функционально-динамический подход может найти применение как при анализе семантических преобразований, представляющих собой результат лингвокогнитивных процессов в языковом сознании носителей языка, так и в ходе анализа процессов неосемантизации, осуществляющихся под влиянием «внешних», заимствуемых из языка-донора когнитивных и социокультурных стереотипов и представлений.

Использованная в работе сопоставительная методика может быть расширена на различные принимающие языки, что позволит выявить все возможные способы взаимодействия экстралингвистической и интралингвистической детерминанты, и соответственно создаст основу для внесения дополнительных научных сведений в теорию семантической деривации, неосемантизации, а также сравнительно-сопоставительной лингвистики в целом.

Основные положения диссертации отражены в восьми публикациях автора общим объемом 4,2 п. л.

**Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах,
включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ**

1. *Шкапенко Т.М., С.Б. Попова.* Конструкции с приименным генитивом качества как средство аксиологического маркирования // Научный диалог. 2019. № 6. С. 87 – 100 (0,8 п. л.).

2. *Попова С.Б.* Родительный падеж качественного определения в функции типологической характеристики личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: филология, педагогика, психология. 2020. № 2. С. 15 – 20 (0,3 п. л.).

3. *Попова С.Б., Шкапенко Т.М.* Функционирование семантической кальки токсичный в дискурсивных практиках носителей современного русского языка // Филологические науки в МГИМО. 2020. Т. 6. № 4 (24). С. 156 – 166 (0,7 п. л.).

4. *Попова С.Б.* Семантический синкретизм первичных актов номинации «успеха» в русском языке // Гуманитарные исследования. 2021. № 1 (77). С. 63 – 68 (0,4 п. л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях

5. *Шкапенко Т.М., Попова С.Б.* Социо-историческая эволюция номинативных единиц успех, успешный в русском языке // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сб. ст. по материалам II–III международной научно-практ. конф. Новосибирск: Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2017. С. 56 – 63 (0,5 п. л.).

6. *Попова С.Б.* Образ «успешного человека» в кросс-культурном аспекте (польская и русская концептосферы) // Сопоставительные исследования 2019. Выпуск 16. Воронеж: ООО «РИТМ», 2019. С. 32 – 36 (0,4 п. л.).

7. *Попова С.Б.* Семантика и прагматика успеха в синхро-диахронической перспективе // Свое vs чужое в дискурсивных практиках современного русского языка: коллект. монография / под ред. Н.Г. Бабенко, Т.М. Шкапенко. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. С. 177 – 191 (0,9 п. л.).

8. *Попова С.Б.* Рудименты семантического синкретизма в актуальном языковом сознании носителей русского языка (на примере концепта «успех») // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. С. 60 – 62 (0,2 п. л.).

Попова Софья Борисовна

Лингвистические детерминанты формирования образа успеха
(на материале русского и польского языков)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 28.02.2022 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×90 1/16.
Ризограф. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 1,5
Уч.-изд. л. 1,2. Тираж 90 экз. Заказ 21

Отпечатано в типографии
Издательства Балтийского федерального университета им. И. Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6.